

Не так давно по телевидению показывали передачу-концерт, снятую по написанному сценарию, где товарищ из зала как бы импровизационно обращается к популярному певцу на сцене: «Мы знаем, что вы очень любите Высоцкого, спойте что-нибудь из его песен...» И по залу (это было видно на экране), да и в каждом доме, где смотрели передачу, прошла волна то ли удивления, то ли недоумения: репертуар популярного артиста знали — он и в телевидении, и на радио, — а чтобы песни Высоцкого в его исполнении?.. Но дело не в том, почему, зачем, как и что из Высоцкого пел солист, а в том, что удивление и недоумение сменились надеждой и ожиданием. Высоцкий — значит сейчас будет интересно.

Я счастлива, что живу и слышу имя Владимира Высоцкого, вот так запросто произнесенное с телеэкрана. Его песни никогда не представлялись средством массовой информации. А их знают миллионы и миллионы советских людей! Феноменальная история в нашем веке.

В самом начале 60-х годов, когда английская четверка «Биттлз» еще не затмила славы Бриджит Бардо и на фильм «Бабетта идет на войну» у кинотеатров стояли длинные очереди, у нас в стране появился молодой человек с гитарой, небольшого роста, странный, простой, загадочный, доступный, эксцентричный, нестандартный, нетрадиционный. Своим появлением он на целое десятилетие опередил плеяду великодушных «антигероев» американского кино: Роберта Де Ниро, Аль Гичино, Дастина Хофмана. Но не был замечен, не был поддержан.

«...Я считал мажоркою окурок с-под платформы черт-те с чем напополам...». «От стужи даже птицы не летали...». «Родителей моих в ту зиму ангелы прибрали, а я боялся, только б не упасть...». «Блокада затянулась, даже слишком». Ведь это точно про наше поколение годовых детей войны. «Блокада затнута, даже слишком». Вот это «даже слишком» — с ума сойти как точно. Во время той массовой катастрофы дети были сдержанны, мужественны, без всяких неврозов. Наоборот, с эдаким взрослым бахвальским юморком на голодный желудок: «умираем, но смеемся».

После войны на уцелевших довоенных патефонах со ржавыми иглами крутили самодельные пластинки «на ребрах». Сейчас даже неловко молодежи, оснащенной современной звуковой техникой, об этом рассказывать. Пленка рентгеновских снимков использовалась для пластинок. Глянешь на просвет, а на ней легкие, ребра, хребет. Насадишь пластинку на штырь диска, она закрутится, спотыкаясь, и, счастливый, слушаешь такие вот «высоцкие» песни про нас, про войну...

Я узнала, что автор этой песни — молодой театральный артист Владимир Высоцкий. В кино не снимается. А через некоторое время у меня появилась пленка с его песнями. Слушала я их много-много раз. И представлялся мне исполнитель здоровым молодцом, с бicepsами и золотой фиксой во рту. Вот у него может быть такой мощный, хриплый, надрынный, истинно мужской голос. Больше всех мне нравилась песня «Но тот, кто раньше с нею был». Интересно: ведь больше о «нем» ничего не сказано, а какая угроза. Лицо у «него» бурристое, пористое, с большим носом и маленькими голубыми глазками. Страшно. С тех пор как я познакомилась с Володей Высоцким, где бы мы ни встречались, он, взглянув в мою сторону, пел: «Но тот, кто раньше с нею был...»

А познакомилась мы в 1962 году в шумной разношерстной компании, в красивой большой квартире, где хозяин иногда устраивал вечера гастролеров-развлекателей. У меня была такой период жизни, когда в кино работы давно не было, а времени свободного ого-го сколько. Куда только судьба не заносила. В той компании я уже отступала и числилась актрисой вчерашнего дня. Володя Высоцкий приехал с гитарой в сопровождении нескольких друзей. Хоть уже и знала, что внешне Высоцкий совсем не такой, каким его представляла, у меня все равно была надежда, что я увижу, подсмотрю в нем что-то особенное. Нет. У меня было разочарование.

Но недолгое. Потому что как только он поздоровался со всеми, перебрался несколькими словами с хозяином дома, он тут же запел. Пел, что хотел сам. Пел по заказу. Пел беспрерывно. Казалось, для него главное то, что его слушали. Слушай-ли! Впечатление было как от разрыва снаряда. Да нет, если бы он не пел, он бы просто сошел с ума от внутренней взрывной эмоциональной энергии. Такое было второе впечатление. А сейчас я думаю, что он не мог найти нужного равновесия из-за огромной внутренней непрекращающейся работы, когда... ну нет сил посмотреть на себя со стороны. А вот так, будучи самим собой, вы-

потрошенным, усталым, непарадным, рисковал многих разочаровать. Он все время был обращенным в себя и в то же время незащищенным, как на арене цирка. Он чувствовал, что надо удивлять, но одновременно и понимал, что этого ему не простят.

Потом его рвали во все стороны, что-то говорили, пожимали ему руки. Но были лица и высокомерные, равнодушные.

О, сколько я видела таких лиц! Сколько раз слышала эти разговоры: «Перестаньте, увольте, эти песенки, эти темочки!», «Высоцкий — это для плебеев». Милые, дорогие товарищи, которые в жизни сами ничегошеньки не сделали, а только бальзамировали, хоронили, парализовывали прекрасные порывы жестокими, беспощадными фразами! Именно так во все времена поступали со всеми «инноваторами»-новаторами. И ваши высокомерные лица — только доказательство их точной позиции. А про что Высоцкий должен был петь? На какую «темочку»? Про то, чего не ведал, не пробовал, не трогал? Ведь через несколько лет ваши же лица перестроились в почтительные, кроткие и одобряющие: «Да, Высоцкий — это явление, придаться не к чему». Придаться не к чему. Значит, придаться все же хотелось. Эх...

К сожалению, с Володей Высоцким мы не встречались ни на съемочной площадке, ни на сцене. Жаль. Там много узнаешь истинного и сокровенного. В жизни общались в самых различных ситуациях, при самых неожиданных обстоятельствах. В тот вечер, когда мы познакомилась, он сказал, что ему приятен мой выбор песни «Но тот, кто раньше с нею был» и что он ее тоже любит. Но разговор у нас не получился. Наверное, потому, что я засыпала его комплиментами, «охаами» и «кахами», а он на глазах съеживался и терялся. В общем, не получилось. Сейчас я с грустью сознаю, что не могу воспроизвести ни одной острой образной фразы, равноценной его песенным, которую бы он произнес просто так, в разговоре. Наверное, да наверняка, он блистал остроумием в компании ближайших друзей. Но мне этого не досталось. Со мной он был всегда корректным, немногословным, очень доброжелательным. С первой встречи он был мой товарищ. И от этого нам всегда было просто и легко.

Недавно мне позвонил Всеволод Абду-



«В.В.»

Людмила ГУРЧЕНКО

лов, мой партнер по давнему фильму «Нет и да», близкий друг Володи Высоцкого. Володя всегда был для него заботой номер один — и в те годы, и сегодня.

— Люся, напиши про Володю. Готовим книгу о нем. Знаешь, я теперь всех людей оцениваю по тому, как они относятся к Володе.

«Володька мой друг», «Да мы с Володькой», «Да вы что, Володька... да он у меня дома...» — много устных рассказов на эту тему. Говорить, спорить, коллекционировать записи, а последнее время и писать... Все, что связано с именем «Высоцкий», стало сейчас бумом. Недавно держала в руках сценарий о Высоцком, но не решилась принять участие в съемках. Не решилась спеть песню Высоцкого на телевидении. Что-то внутри сдерживало. Думала, может, пусть лучше тайный островок с названием «В. В.» в моей душе останется нетронутым. Но Жизнь! Разве ее срежиссируешь? Вчера все серо, безнадежно. Сегодня чистое небо и светит солнце. И хочется жить! И до боли в душе не хватает его! Нет. Сказать про Володю — дело святое.

К тому 1966 году имя Высоцкого начинало обрастать пестрыми историями и событиями. А у меня они никак не связывались с Володей, чуть потерянным, непобедимым, совсем не суперменом. Да мало ли что обо всех артистах говорят! На съемках того фильма в перерывах Абдулов пел новые и новые песни своего друга. Они сыпались, как из рога изобилия. Такие эксцентричные, такие полярные, такие неожиданные. Пусть тот фильм закончился провалом, но запомнился он мне песнями Высоцкого. «Ну и беда мне с этой Нинкою...» — пела вся съемочная группа. Потом многие картины вспоминала по Высоцкому. А, это та, где из кабины звукооператора раздава-

лось: «Так отпустите, плачут дома детки, ему же в Химки, а мне в Медведки!» А вот та картина вся пронизана «Охотой на волков».

В то лето 1966 года Володя Высоцкий, Сева Абдулов и я с дочкой Машей оказались в очереди ресторана «Узбекистан». Стояли мы бесконечно. Перед нами все проходили и проходили какие-то люди в черных костюмах. Это было время, когда после «Карнавальная ночь» случилась долгая пауза, и меня уже не узнавали. А Володю еще не знали в лицо — фильмы, фотографии его были впереди. Вот, вот... Он вел себя спокойно. Я же нервничала, дергалась: «Ужас, а? Хамство! Правда, Володя? Мы стоим, а они уже, смотри! Вот интересно, кто они?» Потом мы ели во двореке «Узбекистана» вкусные национальные блюда. И только ели. Никогда в жизни я не видела Володю нетрезвым. Это для меня легенда. Только в его песнях я ощущала разбушавшиеся, безбрежные родные русские загулы и гудения. А вскоре он мне спел:

А люди все роптали и роптали,
А люди справедливости хотят:
Мы в очереди первые стояли,
А те, что сзади нас, — уже едят...

А потом женитьба на красавице Марине Влади, поездки в Париж и обратно, и слухи. Видели, что теперь он носит кепку в клеточку и что машина у него заграничная. Говорили, что изменился.

Как только после долгого перерыва я встречала Володю, первое, что брало в плен — аж мурашки по коже, — его голос. Его голос и внешность для меня долго существовали отдельно. До того дня, как я увидела его вместе с Мариной. Они были на фирме «Мелодия». Богиня экрана обязательно, делово, с напором доказывала, что нужно выпустить «гранд-диск Волёди». «Мариночка, Мариночка», — останавливал ее Володя своим чудным голосом. Да, действительно, Володя был

другим. Красивым, высоким, и неземная Марина не казалась рядом с ним большой, затмевающей. И пел по-другому. В его голосе появились такие нежные, щемящие обертоны... «Волёдя, спой еще! Ой, Волёдя, што ты со мной делаешь!» И обнимала его, и голову на плечо ему укладывала. И хотя у нас такие отношения «на людях» не очень-то приняты, но от этой пары исходило такое сияние, что — ну не знаю — если на свете и есть настоящая любовь, то, ей-богу, это она! ...Уже с гипсом по бедро меня отпустил домой, позади остались операция, а надежды на то, что смогу двигаться, как раньше, — никакой. Боли, снотворные, уколы, бессонница, ну просто измучилась. А главное, иссякла вера в свои силы.

В десять вечера раздался звонок. — Привет, это Абдулов. Тебя уже написали? Через час мы с Володей будем у вас.

О боже, зачем? Мы давно с Володей не встречались. Он никогда не видел меня вот такой, без котурнов и плюсов. Втайне я молилась, чтобы гости куда-нибудь завелись. В одиннадцать их не было, и я успокоилась. Тут одна важная деталь. Ниже этажом, под нами, жили соседи, и если на часах 23.03 и в нашей квартире звуки, а у меня муж пианист, или кто-то пришел на каблучках, — тут же звонок: «Прекратите движение». Если через десять минут мои гости не перешли на шепот — еще звонок. Ну, а потом и личное посещение, и... В общем, это — жизнь, да какая там жизнь — постоянный страх и унижение за годы в той квартире на Маяковской вошли в поры, в сердце. И вдруг бы пришел Володя! Да еще бы в одиннадцать! Да еще бы с гитарой! Лежу, все последствия предвижу, проигрываю, мысленно уже пишу оправдательное письмо в жэк. Но гостей, слава богу, нет. Моя мама, сделав все по хозяйству у нас, пошла к себе домой. И этого она не может себе простить и понять не сможет никогда — ну почему именно в тот вечер она ушла?! Ни вчера, ни завтра, а именно в тот вечер. Ведь именно в тот вечер в двенадцать часов ночи пришел Володя Высоцкий. И конечно, с гитарой. Очень красивый и возбужденный. В тот день он вернулся после месячной поездки с Мариной Влади по Америке. В Москве его встречали любимые друзья. Сказал, что было интересно, много любопытного, непривычного. Но конкретных красочных картин у меня не запечатлелось. Я только подумала: хорошо бы увидеть Диснейленд. И еще: хорошо там, где нас нет. И еще я думала о том, что Володя, женившись на французке, мог бы жить и в Париже, и в Америке, и в любой стране. Но нет. Может быть, его ох какая загадочная русская душа и актерская интуиция прощептали ему, что проверять правоту своих взглядов и трудов можно лишь в своей стране, среди своего народа?

Володя взял в руки гитару:

Но тот, кто раньше с нею был,
Меня, как видно, не забыл...

Не забыл. Помнит, что эта моя любимая. Вот спасибо. Он пел до трех часов утра. Каблуком своего изящного остроного сапожка он бил в пол в такт ритму. Наш дом сотрясало от раскатов его неповторимого голоса. «Идет охота на волков, идет охота-а-а». «Протопи — не топи, протопи — не топи-и-и». «А на нейтральной полосе цветы-ы-ы». «Часто нас заменяют другими, чтобы мы не мешали вранью-ю-ю». «Я скачу, но я скачу иначе-е-е». «Я коней напою, я куплет допою-ю-ю».

Он ничего не спросил меня о травме. Он просто в первый день своего приезда пришел туда, где был особенно нужен.

Сейчас в газетах, по телевидению спрашивают: что такое современный человек, современная песня и что такое вообще понятие «современный»? Все, что рождает в человеке силу поднять голову, идти дальше, верить в себя и людей, все, что рождает и дарит импульс Жизни. От Высоцкого шел импульс Жизни. «Современный» — это Владимир Высоцкий. Он слишком тонко понимал причины усталости и апатии человека, не способного больше к борьбе, к сопротивлению. Он не сочинял песен про звездную, нереальную жизнь. Он видел многое несовершенное на земле. Земной, доступный и свой. Казалось бы, все так просто — взять и написать про то, что вокруг, бери и пиши. Ан... И больше такого Володи Высоцкого нет.

В три часа ночи я шепнула Маше, которая с огромным интересом гладела на легендарного Владимира Высоцкого: «Посмотри с балкона, горит ли свет у соседей внизу?»

— Нам, во дворе все окна и балконы настень! И у всех горит свет!

НА СНИМКЕ: Марина Влади и Владимир Высоцкий.

Фото В. Плотникова.